

ЗДЕСЬ ЖИЛ И ТВОРИЛ ВЕЛИКИЙ МАСТЕР

СТАРИННЫЙ дворянский особняк постройки конца XVIII века на улице Станиславского, в самом центре Москвы. Мраморная лестница, рисованные потолки, анфилада парадных комнат, небольшой зал с колоннами. На дверях зала табличка с надписью: «Репетиция началась. Тишина».

В этом доме жил и работал народный артист СССР Константин Станиславский. Много лет подряд дом этот был театральным центром страны. С утра до позднего вечера нескончаемым потоком сюда приходили люди, особенно в последние годы, когда Константин Сергеевич был уже серьезно болен. В гостях у него побывали Бернард Шоу, выдающийся китайский актер Мей Лань-фань, замечательная негритянская певица Мариан Андерсен.

Каждый день здесь звенели голоса учеников оперной и драматической студий, которые создал Станиславский. Каждый день шли репетиции с актерами Художественного театра. В зале обычно происходили экзамены студийцев. На крохотной домашней сцене с участниками оперной студии была полностью поставлена опера Петра Чайковского «Евгений Онегин». Она знаменовала собой подлинный пе-

реворот в постановке оперных спектаклей Публику, собравшуюся на просмотр, поразил реализм, простота, удивительный общий ритм спектакля, естественность поведения певцов на сцене. А среди зрителей были Собинов, Нежданова, литераторы, актеры, режиссеры — цвет театральной Москвы. После спектаклей устраивались многочасовые шумные обсуждения. Константин Сергеевич — в который раз — объяснял, поправлял, переделывал отдельные сцены.

Сейчас в доме тихо, торжественно и как-то особенно заметно, насколько резко противоречит пышный стиль особняка тому скромному быту, который был заведен в доме Станиславских. В кабинете — простые кресла, книжные шкафы, круглый стол. На стенах — эскизы декораций Крґга, Александра Бенуа, на шкафу — ритуальные подсвечники, с которыми Станиславский играл в пьесе «Уриэль Акоста». Низкая темная дверь, ведущая в кабинет, — память о «Скупом рыцаре» Пушкина. Сделанная по рисунку самого Константина Сергеевича, обитая железом, с массивной вычурной ручкой и специальным окошечком для стука, она действительно напоминает вход в подземелье, где хранятся сокро-

вища. Дверь эта да несколько высоких, выдержанных в готическом стиле книжных шкафов — дань многолетнему увлечению Станиславского средневековьем.

В кабинете Станиславский репетировал обычно с актерами МХАТа. Народная артистка СССР Алла Тарасова, с которой мы встретились в музее, взволнованно прохаживаясь по кабинету, вспоминает: «Работать с Константином Сергеевичем было подчас мучительно: иногда никак не получалось то, что он задумал. И вдруг наступали минуты такого озарения, такого восторга, что и словами передать нельзя. Поэтому и сейчас, хотя со дня его смерти прошло почти четверть века, мы приходим сюда, чтобы воскресить в памяти былое, получить заряд творческого вдохновения».

В этом доме, который теперь стал домом-музеем, в бесконечных занятиях с актерами и студийцами создавалась и закреплялась в книгах знаменитая система Станиславского.

Дочь Станиславского Кира Константиновна, директор дома-музея, с улыбкой вспоминает, как отец рассказывал о своей системе работы актера над собой Федору Шаляпину, одному из немногих оперных певцов, создававших

на сцене образ, характер, внимательно следивших за своим костюмом и гримом. И как тот почти серьезно воскликнул в ответ: «Батюшки, вы меня обокрали!».

С Кирой Константиновной мы поднимаемся на второй этаж. К юбилейным дням здесь откроется новая экспозиция, посвященная зарождению и постепенному формированию системы Станиславского. Собранные воедино высказывания выдающихся актеров, режиссеров, литераторов впервые со всей очевидностью покажут, что к моменту открытия Художественного театра Станиславский пришел уже зрелым, сложившимся мастером. На примере подробного разбора чеховских спектаклей, которым будут посвящены большие витрины с фотографиями,

как бы демонстрируется система Станиславского в действии — работа с актером, внутреннее общение актеров между собой, общий тон, настроение спектакля, костюмы, декорации...

Многое из богатейшего архива, оставшегося после смерти Станиславского, не войдет в новую экспозицию. Да это и не нужно. Разве можно вместить творческое наследие великого режиссера в какую-то одну комнату, одну выставку, даже в целый мемориальный музей? Оно живо во многих театрах мира, оно живо в памяти его учеников — тысячах актеров, режиссеров, певцов, оно живо в сердцах тех, кто с благоговением переступает порог «дома» Станиславского.